

может подтвердить и дополнить определенные А.К. Матвеевым границы дифференцирующих субстратных явлений.

Топонимы-полукальки, непосредственно связанные с ситуацией двуязычия и процессом длительного, постепенного обрусения местного чудского населения, очевидно, должны отражать характер контактов русского языка и языков последнего, верхнего, пласта субстрата. Ареальный характер полукалек соответствует в определенной степени пестроте взаимодействия русского и чудского населения. Возможно, ареалы полукалек будут способствовать микрорегиональному исследованию топонимии Русского Севера, что является одной из наиболее актуальных задач на современном этапе изучения севернорусской субстратной топонимии.

Т.Н. Дмитриева

ХАНТЫЙСКИЕ ТОПОНИМЫ С НЕЯСНЫМИ КОМПОНЕНТАМИ НА ТЕРРИТОРИИ БАСЕЙНА РЕКИ КАЗЫМ

Среди хантыйских топонимов бассейна Казыма наряду с многочисленными семантически и мотивационно прозрачными названиями, без затруднений интерпретируемых из современного хантыйского языка, имеются и такие, в составе которых есть компоненты, нуждающиеся в специальном объяснении. Это связано с различными обстоятельствами: во-первых, возможно иноязычное происхождение неясного слова; во-вторых, топоним может сохранять забытую или мало известную современным носителям казымского диалекта лексику. В данной статье рассматриваются примеры таких топонимов.

1. В ряде случаев неясный компонент является казымским заимствованием из языка коми¹.

1. *йӥл' хэтань сэжэм*, прав. прит. р. Вел юхан (прав. прит. р. Амня). Картографические формы – Шуль-Хотын-Соим, Шульхотынсоим. Смысл названия – «Ручей с шалашом».

В атрибутивной части топонима (*йӥл' хэтань*) второй компонент – существительное *хэнт* 'дом', осложненное суффиксом имени обладания *-энт*.

Слово *йӥл'* не отмечено в словарях хантыйского языка, но оно известно на Казыме: по словам местных жителей, «*шуль хот* – это шалаш, из лиственниц колют типа дранки и из берёста шьют, сверху покрывают» (И.А. Спиридонов, 1998, Казым); «*шуль хот* из кольев делают, дом от ветра: поперечина на деревьях, на неё колья – плотно складывают, сверху мох» (Ю.И. Ерныхов, 1998, Казым); «маленькая избушка, как шалаш, из тоненьких жердей – может, дровяник, а в лесу в таком доме жили» (Е.А. Задорожных, 1999, Казым); «*шуль хот* делают, рыбу держат, шалаш» (З.Д. Тарлина, 1998, Казым); «*шуль хот* сама я делала, там палки поставлены, всё палками закрыто, чтобы рыбу там сохранить, чтобы собаки не достали, вороны не клевали» (Т.Т. Тебетева, 2001, Белоярский).

Ср. в одном из опубликованных текстов на казымском диалекте: *Хӧннӧсӧм ими катра лупас сохдӧт эвалт шуль хот вермал* – «Свояченица из досок старого лабаза *шуль хот* сделала» (букв. «делает»)².

¹ Подробнее о коми-хантыйском взаимодействии в топонимии Казыма см.: Дмитриева Т.Н. Коми компонент в топонимии бассейна реки Казым // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры: Сб. статей: В 2 т. Т. 2. Филология. Этнология. Сыктывкар, 1996. С. 64–77.

² Лозьямова З. Ай хӧр сӧнхум кӧрт // Моньшӧт па пуртӧт / Сост. В.Н. Соловар. Нижневартовск, 1996. С. 33.

На конкретный вопрос о значении слова *шуль* информанты затруднялись дать ответ, хотя *шуль хот* им хорошо известен. Во время последней полевой проверки материала удалось зафиксировать такое толкование: «делают *шуль хот*: *шуль* – палки, палки ставят; может быть и из *кара* – из коры. Осенью можно оставить копалух, глухарей (Т.А. Молданов, 2001, Белоярский).

Лексема *йй'л*, по-видимому, заимствована хантыйским языком из языка коми. Ср.: коми *йул* 'полоса лыка, березовой коры' (по другому поводу) у Штейница [DEWOS, 269]. Коми *шуль*, восходящее к общеперм. **šul'i*, по данным словарей коми языка, означает 'узкая полоса лыка, берёсты (для плетения лаптей)', 'волокно мяса', кроме того, в верхневычегодском диалекте – 'слой, прослойка, пласт, кусок, отщеп, dranка' (см.: [КЭСК, 323–324; КРС, 784; ССКЗД, 437]).

Значение 'палка' у слова *шуль*, очевидно, поддерживается аналогией с другим хантыйским словом – *ś'л* 'drанка запора, верши' (считается заимствованием из коми *śal* 'то же'. [DEWOS, 1336], *сёл* 'планка, рейка' [ХРС, 85]; по данным Сирелиуса – *šol'*).

Ср. одно из объяснений информантов: «*сёл* – прямые прутья в ловушке, делались из листвянки, оплетались черёмуховым прутком» (С.С. Куриков, 1990, Полноват). Кроме того, на Казыме словом *ś'л* называют игральные палочки размером побольше карандаша, а также тонкие жердочки, рейки, тонкие стволы деревьев, из которых делают *ś'л х'т* – хозяйственные постройки или шалаши для временного жилья. Выходит, что *йй'л х'т* и *ś'л х'т* могут обозначать одно и то же.

2. *Кожынг-Лор*, также *Кожинг-лор*, *Кожинглор*, *Кошинг лор*, *Кошинглор* – картографические формы названия озера на прав. б. р. Казым, в верхнем течении.

Ханты утверждают, что озеро правильно называется *хй'ś'η л'р* «Песчаное озеро» (есть и другие озера с таким же названием). Вместе с тем можно предположить, что зафиксированный на карте вариант с основой *кож-* (кош-) отражает соответствующую однокоренную лексему языка коми: *кеж* 'галька' [DEWOS, 429], ср. коми литер. *кōжа* 'гравий' [КРС, 317], диал. вв. вым. иж. лл. печ. *кōжа*, уд. *кōж* 'гравий, почва из мелких камешков с песком' [ССКЗД, 148], диал. иж. *кōдз* 'мелкая галька', 'мелкая галька (б.ч. в зобу лесной дичи)' [КРС, 315] – общеперм. **кәж'с* 'гравий, песок', = доперм. **кәж'с* – 'песок' [КЭСК, 139].

3. *л'р јōх'η*, также *w'p' л'р јōх'η* прав. прит. р. Сорум, с притоком *aj л'р јōх'η*. На современных картах – *Ун Лып Юган*, *Ун-Лып-Юган*, *Ун-Лытьеган*, *Ун-Лытьюган*, *Уплытьеган*; *Ай Лып юган*, *Ай-Лып-Юган*, *Ай-Лытьеган*, *Ай-Лытьюган*, *Айлытьеган* (*Ун* – хант. *w'p'* 'большой', *Ай* – хант. *aj* 'маленький').

В других источниках и литературе – *Лим-еган*¹; *Лип-еган*²; *Липеган*³; *Лып-еган*⁴; ср. также: *Люп-Юганская* локальная структура, *Люп-юганский купол*⁵.

¹ См.: Sirelius U. T. Über die Sperrfischerei bei den finnisch-ugrischen Völkern. Helsinki, 1906. S. 101.

² См.: Сахарова М.А., Сельков Н.Н. Ижемский диалект коми языка. Сыктывкар, 1976. С. 164.

³ См.: Дунин-Горкавич А.А. Карта Тобольской губернии. Сост. в 1903 г.; Шухов И.Н. Река Казым и ее обитатели // Ежегодник Тобольского губернского музея, 1915. Вып. 26. С. 57, карта.

⁴ См.: Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север В 3 т. Т. 1 (карта). СПб., 1904; Т. 2. Тобольск, 1910. С. 236.

⁵ См.: Ивановский Л.Н. Геоморфологические наблюдения в долинах рек Казым и Надым // Тр. Томск. ун-та. 1939. Т. 95. С. 188.

⁶ См.: Археологическая карта Прикамыя: М. 1:500000. Сост. З.П. Соколова: Приложение к отчету // Отчет начальника Ханты-Мансийского отряда, научного сотрудника Окружного краеведческого музея Татьяны Петровны Воробьевой «О Казымской экспедиции 1956 года». Ханты-Мансийск, 1956, неопубл.

⁷ См.: Березовский газоносный район // Тр. Зап.-Сиб. науч.-исслед. нефтяного ин-та. 1971. Вып. 40. С. 14, 520.

Атрибутивная часть рассматриваемого топонима, которую Р. Радомски относит к нехантыйским основам неясного происхождения¹, сопоставима с коми лӧп 'древесный хлам, сор, валежник' [КРС, 385. Ср. ССКЗД, 204, 120]² – доперм. **l̥p̥t̥z* [КЭСК, 162]. На вероятность соотношения основы лып в составе названия этой казымской речки с коми-ижемским лӧп 'завал, мусор' указывал уроженец обского села Мужы, коми-фольклорист Ю.Г. Рочев³.

Типологически сходную семантику имеет атрибутив в хантыйском названии реки *tāpri jōħaŋ* (прав. прит. р. Казым в ниж. теч.) – «Мусорная река». Примечательно, что верховья этих рек (между ними протекает еще один правый приток Казыма – р. *wɔnt jōħaŋ*) находятся в одном районе в нижней части бассейна Казыма.

Подтверждением пермской этимологии компонента лып в составе казымского топонима является название левой рассохи реки Чепца в северной части Удмуртии (Кезский район): в русской передаче это р. Лып, по-удмуртски Лӧп = «Река, заваленная древесным хламом»⁴.

II. В отдельных случаях неясный компонент оказывается хантыйским словом, первоначальную форму и грамматическую структуру которого удастся установить в процессе этимологизации.

4. *l'āti wɔpri*, озеро на лев. б. р. Казым в верх. теч. (выше устья р. Минта). Топоним можно перевести как «Озеро (старица), где [что-то] трещит».

Объясняя название, некоторые информанты предполагали, что его первый компонент – «какое-то ненецкое слово» (Л.П. Захаров, 1991, Нумто) или антропоним: «раньше имя какое-то было, дедушка там жил» (Т.Е. Молданов, 1992, Юильск).

В ходе дальнейшей проверки были получены следующие объяснения: «Ночью или днём там что-то гремит на воде» (С.А. Енгух, 1998, Казым); «Кто-то проезжал, может лёд трещал там» (М.Г. Тарлин, 1999, Казым); «Вроде какой шум там, щелчок» (П.Д. Аликов, 1999, Казым); «Видимо, пугает людей, трещит» (Т. А. Молданова, 2001, Белоярский).

Звукоподражательное слово *l'āti* встречается в хантыйской загадке: *l'āti-pāti wetsɔt*, *l'āti-pāti ɣɔtsɔt* «Щелкающие пятьсот, щелкающие шестьсот» или «Пятьсот щелчков, шестьсот щелчков» (*l'āti-pāti* – звукоподражание, обозначающее щелкающий звук). Разгадка: бежит оленьё стадо. «Это когда олени утром приходят, щёлкают копытами» (А.С. Лозьямов, 1999, Казым).

Ср. вариант этой загадки в детской книге:

*Дъяты-пӓты вѣтсѳт,
Дъяты-пӓты хѳтсѳт,
Ӗнтӓл, Ӗнтӓл сѳрӓ,
Всрӓл, всрӓл сѳрӓ.*

Щёлканье пятисѳт,
Щёлканье шѳтисѳт,
Быстро-быстро шѳѳт,
Быстро-быстро дѳлает⁵.

¹ См.: Radomski R. Ortsnamen des ostjakischen Wohngebietes. Zusammengestellt und bearbeitet von R.Radomski // Ars Ob-Ugrica. Band 11. München, 1994. S. 210.

² См.: Сахарова М.А., Сельков Н.Н. Ижемский диалект коми языка. С. 172.

³ Рочев Ю.Г. Устное сообщение. Сыктывкар, 1993

⁴ Каракулов Б.И. (удмуртский языковед). Устное сообщние. Сыктывкар, 2000.

⁵ Хантыйские народные загадки: Хӓнты мир моньшуптӓт: Книга для чтения в младших и средних классах (казымский диалект) / Под ред. Н.Б. Кошкаревой; Сост. В.Н. Соловар, С.Д. Морокко. Ханты-Мансийск, 1997. С. 6–7. В переводе допущены неточности: в первых двух строчках «пятьсот» и «шестьсот» нельзя ставить в форму родительного падежа, т.к. числительные находятся не в препозиции; во вторых двух строчках повторяется не наречие «быстро» (*сѳрӓ*), а глаголы: «шѳѳт» (*Ӗнтӓл*) и «дѳлает» (*всрӓл*).

Как фиксируется в DEWOS, В. Штейницем в казымском диалекте отмечена форма *ʼāʼtəŋ* в выражении *ʼwʼli jəʃ-kūr ʼāʼtəŋ sīj* ‘трещащий шум передних и задних ног оленья’ и глаголы – *ʼāʼtkə-* ‘шелкать (орехи)’, *ʼāʼtat-*: *χət-mūw ʼāʼtatəs* ‘пол дома треснул’. В кондинском диалекте известно выражение *tāt mən-* ‘грохочуще лопаться’ (напр. земля от мороза), в юганском – *ʼāʼt-*, *lāt-* ‘krahend bersten (трескаться) (напр. стена от мороза)’. У северных манси есть также слово *lātti* ‘трещать’ [DEWOS, 876].

По данным словаря Н.И. Терешкина, в восточно-хантыйских диалектах имеются глаголы *ʼāʼtta* (тр.-юг., юг., у.-юг.), *ʼōtta* (аг., у.-аг.), *tātta* (сал.) ‘трещать (например, деревьям на сильном морозе), тикать (о часах)’ [Терешкин, 223], *lāʼtā* (юг.) ‘трещать, лопаться’ [Терешкин, 202].

Рассматриваемый топоним интересен тем, что иллюстрирует употребление казымской формы *ʼāʼti*, которую можно считать если не междометием (они практически не встречаются в топонимии), то старым причастием настоящего времени, образованным от глагола *ʼāʼtti* со звукоподражательной основой *ʼāʼt-*, соответствующей глагольным основам *ʼāʼt-* (*ʼāʼt-*), *lāt-*, *ʼōt-*, *tāt-* в диалектах восточных хантов.

Семантика топонима, возможно, отражает природное явление (треск льда, деревьев) или же это опосредованная передача живой картины из жизни казымских оленеводов.

5. *kalaŋ səw pūt aj jəχaŋ*, ручей – прав. прит. р. Лыхма. В составе этого топонима, как и в названиях двух расположенных ниже по течению притоков Лыхмы – ручьев *kūt ləp səw pūt aj jəχaŋ* и *naŋk paj səw pūt aj jəχaŋ*, – обращает на себя внимание компонент *səw*.

Приведенные топонимы – «Болотная маленькая река котла червей», «Средняя маленькая река котла червей» и «Лиственничная маленькая река котла червей». Информант не смог объяснить смысла названий, хотя известно, что *səw* означает ‘червяк’ («червяк, ест лес, дерево прогрызает»), *pūt* – ‘котел’ (П.И. Юхлымов, 1990, Полноват).

В DEWOS отмечается *Kaz. səw* ‘гусеница, червь на растениях, особенно на деревьях, в сухом дереве’; *səw-χət-χīr* [дословно ‘червяк–дом–мешок’] ‘чернильный орешек (бот.)’ [DEWOS, 1304].

Названия этих притоков Лыхмы могут быть связаны с характеристикой качества деревьев, имеющих «котёл червей» в этой местности.

Возможно также, что топонимы несут какую-то сакральную нагрузку – для сравнения можно привести сведения о камлании ночного шамана у селькупов: из лежащего на боку котла выходят черви – черти. Перед шаманом, сидящим посередине чума, кладут, наклонив набок, котел. Вверху, над его головой, привязывается палочка – чандар: «Котел лежит. Оттуда выходят черти. Вверху палочка. Душа (шамана) на палке качается. Потом опускается... Его (шамана) язык тянет из котла червей. Его голос тащит. Черти тащат язык в котле. А он сидит, как мёртвый, ничего не говорит»¹.

Несмотря на все вышеизложенное, не исключено, что *səw pūt* ‘котел червей’ – это народно-этимологическая интерпретация забытого названия глиняного горшка: *səw pūt* (из *səwi pūt*: усеченные формы некоторых слов, утративших конечный гласный *i* – характерная черта казымского диалекта, ср.: *təw* и *təwi* ‘весна’). Сплошная проверка полевых материалов по DEWOS привела нас к казымскому слову *səwi* ‘глина’, которое, однако, как свидетельствует словарь, не употребляется с сочетанием с *pūt* ‘котел’, так как на Казыме в значении ‘глина’ есть другое слово – *səχta*, а *səχta-pūt* и есть ‘горшок’, буквально ‘глиняный котел’.

¹ Пелих Г.И. Материалы по селькупскому шаманству // Этнография Северной Азии. Новосибирск, 1980. С. 56.

В то же время в других хантыйских диалектах отмечены соответствия: васюг. *săŋi-put*, тр-юг. *săŋ i-put*, юг. *săwi-put*, цинг. *sōw-pūt* 'горшок' (тр-юг., юг., цинг.), 'ступка для табака' (васюг.) [DEWOS, 1311], так что вполне возможно, что рассматриваемые топонимы первоначально имели компонент *sōw* и означали «Болотная...», «Средняя...» и «Лиственничная маленькая река глиняного горшка».

6. *pcl wōri* (*pcla wōri*, *pcli wōri*, (*ewi*) *pclšəm wōri*), озеро (старица) – на лев. б. р. Казым, в районе д. Юильск. «? – старица».

Некоторые из информантов считают, что название дано русскими и *pcl* (*pcla*, *pcli*) восходит к русскому белый. Подтверждением как будто является то, что в озере светлая вода (В.Д. Тарлин, 1999, Казым). По другой версии, *pcl* – старинный антропоним: «Озеро назвали не русские. Это раньше имя было. *Пел* – какой-то человек, его прозвище или имя» (П.Д. Аликов, 1999, Казым).

Озеро имеет форму подковы, внутри которой находится¹ остров леса *pcl wōri pōxər*, где юильские ханты собирают ягоды. И в этом месте «беззубых детей не оставляли, когда собирали ягоды². Там высокий лиственница – говорят, бог или человек шёл [это и был Пел], его палка вроде там и остался, большой лиственница стоит» (П.Д. Аликов 1999, Казым)³.

Однако существует еще один вариант названия – *ewi pclšəm wōri* (первый компонент *ewi* может опускаться) «Старица обмененной девочки»: по легенде, эта девочка «стала вроде не в себе: она собирала там ягоды, её поманили лесные духи, поменяли на другую девочку» (Т.А. Молданов, Т.А. Молданова, 2001, Белоярский). Вероятно, предыдущие варианты вторичны и являются результатом народно-этимологического переосмысления этого.

В. Штейниц отмечает в казымском диалекте слово *pcl* в значении 'одежда и т.д., которым меняется' и глаголы: *pclšijə* – 'поменяться «на час»', *pclšəmt* – 'поменяться', *pclšas* – 'совершать обмен' [DEWOS, 1154]. Форма *pclšəm* – причастие прошедшего времени от не приведенного в словаре глагола *pclš* – 'менять'⁴.

7. Особый интерес вызывают представленные в топонимии и не зафиксированные в DEWOS лексемы с редкими суффиксами:

-*as*: по Г. Зауэру, этот суффикс выделяется в отыменном атрибутивном имени: ср., например, казым. *χāras* 'гостеприимный' (при казым. *χār* 'то же'); в отыменном субстантивном, редко атрибутивном имени аффективного или аффективно-собирающего характера с преимущественно аффективной основой: казым. *nālas* 'покрытое мелкой водой песчаное поле на берегу' (при юг. *nāl* 'косой, кривой, наклонный, покатый'; низям. *nāla* 'плоский, мелкий'); суффикс -*as* может быть и заимствованным (в словах, усвоенных из коми языка): казым. *kāšas* 'чехол (малицы, шубы); отделение (кошелька)' < коми иж. *kış* – и т.д. 'то же'⁵.

В составе казымских топонимов выявлены не отмеченные в словарях два компонента с суффиксом -*as*: *jekras* и *nāras*.

jekras:

1) *jekras nōrəm sōjəm* (басс. р. Вон Вош юхан). Название следует переводить как «Ручей тундры с предболотьями». Некоторые информанты затрудняются объяснить зна-

¹ «У курьи в середине сидит» (Т.Е. Молданов, 1993, Юильск).

² Ребенок, у которого еще не появились зубы, считался самым беззащитным. До появления зубов он находился как бы одновременно в двух мирах, его в это время охраняла прародительница Калташ анки (См. об этом: Лапина М.А. Этика и этикет хантов. Томск, 1998. С. 57).

³ Так, например, «железный посох» – высоченная лиственница есть у Вошанг-ики, духа-охранителя Старого Юильска (См.: Молданов Т.А. Картина мира в песнопениях медвежьих игрищ северных хантов. Томск, 1999. С. 25).

⁴ Ср.: менять – *пелатты*, меняться – *пелантыйлы* (ХРС 188).

⁵ См.: Sauer G. Die Nominalbildung im Ostjakischen. Berlin, 1967 (= Finnisch-ugrische Studien 5). S. 88, 164, 176. Слово *kāšas* тоже встречается в казымской топонимии – в названии озера *kāšasəŋ lōr* (в верх. теч. р. Казым), буквально «Озеро с карманами», т. е. с заливами.

чение компонента *jekras* и считают более правильным вариант *jekraŋ ħqrat səjəm*. Обе формы – *jekras* и *jekraŋ* – образованы от слова *jekər*, обозначающего разновидность болота: по словарным данным казым. *jekər* ‘болото, поросшее мелкими соснами’, – отмеченное только в казымском диалекте заимствование из коми *jegir* ‘болотный лес’ [DEWOS, 347]¹.

По нашим полевым материалам *jekər* – «предболотье» (А.М. Сенгепов, 1992, Казым); «маленький лесочек с водой, и кочки, на них растут сосенки» (П.Д. Аликов, 1987, Юильск); «болотистая тундра с красным мхом, лесистое место, редкие деревья есть» (А.А. Ерныхов, 1999, Казым); «начало болота, место небольшое, переходная зона от леса к тундре – сосны мелкие, невысокие, светло-зеленые, по мшистой местности растут» (Т.А. Молданов, 2001, Белоярский). Ср. в топонимии: *jekər jōħaŋ* «Река предболотья», *jekər jəħart* «Развилка (ручей) предболотья». Удалось выяснить и то, что *jekras* – местность с *екар*ом, а *jekras ħqrat* – болото, имеющее такие участки леса (Т.А. Молданов, 2001, Белоярский).

2) *jekras mūw*, местность – 1. в бассейне р. Курьёх (район рек Хор юхан и Варсанг юхан); 2. в районе к западу от верховьев р. Курьёх, к северу от пос. Сосновка. «Земля с предболотьем». «Там большие длинные кочки, мелкий лес, это начало болота» (Т.А. Молданов, 2001, Белоярский).

ñāras:

ñāras jəħət, бор – на прав. б. р. Сорум Амня (прав. прит. р. Амня в верховье). «Чистый бор».

По словам информантов, там «бор такой чистый, маленькие соснушки есть, деревьев мало, редкие» (С.Т. Тарлин, 1993, Амня); «редко, видимо, деревья стоят, лес» (С.Е. Тарлин 1993, Амня).

По поводу слова *ñāras* ханты также говорят: «*нярас* – горелое значит, ничего нет, после горельника чистое место остается» (А.А. Ерныхов, 1992, Казым); «*нярас* – сосны такие высокие, стройные» (С.С. Куриков, Е.Н. Курикова, 1990, Полноват).

В словарях лексема не отмечена, но она, по-видимому, образована с помощью именного суффикса *-as* от казым. *ñār*, известного в значениях: 1. ‘тонкий и высокий (о деревьях)’, ‘очень высокий, возвышающийся над обычным лесом (обычно о ели, лиственнице)’; 2. ‘чаща (на старом месте пожара)’ [DEWOS, 1066].

*-*ma*. Суффикс выделяется в составе компонента *kirma* в топониме *kirma səjəm* (прав. прит. р. Тапры юхан). В словарях слово не отмечено. По сообщениям информантов, «*kirma* – вроде упряжка» (С.И. Юхлымов, 1991, Белоярский); «как связанное место, вместе заливаются: болото, нарост сверху, речка выходит, потом пропадает» [часть русла этого ручья идет под землей] (П.И. Юхлымов, 1993, Полноват).

В топониме, очевидно, выступает отглагольное существительное (казым. *kīr* – ‘запрягать, надевать’. – DEWOS, 662) с суф. *-*ma* / *-*mā* (-*mə*), имеющим инструментальное значение (substantiva instrumenti). Ср., например, в сургутском диалекте: м-юг. *kājimz*, тр-юг. *kōjimz* ‘токовище’ – тр-юг. *kōj-* ‘токовать (тетерев)’; тр-юг. *səy miz* ‘соединяющая петля каната’, юг. *səwmtə wāy* ‘скобка’ – **səy* -, тр-юг. *səy əm-* ‘соединять петлей’².

Рассмотренные примеры наглядно показывают ценность хантыйской топонимии Казыма как источника нового материала для изучения казымского диалекта хантыйского языка.

¹ Коми слово *егыр* ‘заболоченный лес (гл. обр. сосновый)’ считается родственным фин. *jänkä* ‘болотистая долина’, норв.-саам. *jægge* ‘болото’, манс. *janġ* ‘болотистая местность, тундра’, хант. *janġ* ‘ложбина в лесу, где долго держится вода’, древне-венг. *éger* ‘болотистое место’ и возводится к долерм. **janġā* ‘заболоченное место в лесу’ [КЭСК, 99].

² См.: Sauer G. Die Nominalbildung im Ostjakischen. S. 32.